

Шустова Светлана Викторовна✉, Шипицин Артур Андреевич
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены»

Аннотация

В эпоху распространения межкультурной коммуникации и неограниченного потока новостей, поступающих со всего мира, у людей возникает необходимость отреагировать на различные события посредством вербализации собственных эмоций и чувств – для выражения своего мнения или создания конкретной терминологии, ассоциируемой с тем или иным социальным феноменом. Это порождает практики лингвокреативности и заимствования лексем из других языков при освещении событий и для характеристики людей. В настоящей статье описаны неологизмы, связанные с «культурой отмены» дискриминационных практик, заимствованные из английского языка в русский в результате очередного витка развития киберкультуры. Изучен семантический потенциал восьми эмотивных лексических единиц: *бодишейминг*, *фэтшейминг*, *скинни-шейминг*, *лукизм*, *эйджизм*, *эйблизм*, *харассмент*, *хаиршейминг*, вошедших в русский язык и функционирующих в медиапространстве в рамках «культуры отмены». Анализ контекстов из СМИ и социальных сетей показал отрицательное отношение к соответствующим дискриминационным практикам, а также то, что для российских публичных фигур «отмена» может иметь серьёзные последствия для карьеры, хотя они пока не носят столько массово разрушительного характера, в отличие от западных стран – родины «культуры отмены».

Ключевые слова: дискурс новой чувствительности, эмотивная лексика, неологизм, заимствование, бодишейминг, лукизм, эйджизм, эйблизм

© Шустова С. В., Шипицин А. А. 2023

Для цитирования: Шустова С. В., Шипицин А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 203–217. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_203

Svetlana V. Shustova✉, Artur A. Shipitsin
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

New vocabulary in the discursive practice of ‘Cancel Culture’

Abstract

In the era of dynamic cross-cultural communication and unlimited flow of news coming from all over the world, people have a need to respond to various events by verbalizing their own emotions and feelings – to express their opinions or create a specific terminology associated with a particular social phenomenon. It generates the practice of linguocreativity and borrowing lexemes from other languages to describe events and characterize people. This article describes new English-into-Russian borrowed lexical patterns emerging as cancellation of discriminating practices resulted from a new impulse of the ‘Cyberculture’. The focus is made on the semantic potential of eight emotive lexical units borrowed into Russian: *body shaming*, *fat shaming*, *skinny shaming*, *lookism*, *ageism*, *ableism*, *harassment* and *hair shaming* that function in the media space in the context of the ‘Cancel Culture’. The analysis of contexts from mass media and social networks showed negative attitude to the corresponding discrimination practices. It was also found that ‘cancellation’ could bring serious consequences for some Russian

public figures' careers, although unlike in Western countries – the motherland of the 'Cancel Culture' – they are still not so massively destructive.

Keywords: discourse of new sensitivity, emotive vocabulary, neologism, borrowings, body shaming, lookism, ageism, ableism

© Shustova S. V., Shipitsin A. A. 2023

For citation: Shustova, S. V., Shipitsin, A. A. (2023). Novaya leksika v diskursivnoy praktike «kul'tury otmeny» [New vocabulary in the discursive practice of 'Cancel Culture']. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (3), 203–217. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_203

1. Введение [Introduction]

Лингвокреативная деятельность может быть одним из последствий общественных потрясений. Для выражения собственных чувств и эмоций по отношению к тому или иному общественному событию, люди могут стать склонны к поиску подходящих старых слов, или же созданию новых, если существует такая необходимость. Резкие перемены в сферах экономики и социальной политики являются мощной мотивацией к активному вовлечению в лингвокреативность для тех членов общества, которые в состоянии мыслить и рефлексировать. В ходе этого процесса возникают неологизмы, в том числе семантические, позволяющие выразить то или иное отношение к новым фактам, явлениям и процессам. Помимо отдельных слов в вербальное отражение новой реальности вовлечены устойчивые выражения, уже существующие в данном языке. Популярность некоторых идиом или фразеологизмов может возрасти, они могут начать использоваться более регулярно при описании наблюдаемой реальности. По мнению О. И. Северской и Л. В. Селезневой, именно кризисные ситуации актуализируют указанные феномены. Это неудивительно, поскольку идиомы и паремии разных видов, включая пословицы, поговорки, девизы, слоганы, афоризмы, загадки, содержат квинтэссенцию специфической информации «о типичных жизненных и мыслимых ситуациях, объектах и отношениях, а потому становятся прекрасным инструментом концептуализации реальности, выполняя функцию знакового замещения не только самого объекта образной номинации, но и оценочного отношения к нему говорящего субъекта» [Северская, Селезнева, 2021].

«Существуют схожие термины, описывающие новые слова, а именно, неологизмы, «модные слова» (*vogue words*), «популярные слова» (*buzz words, catch phrases*). <... > неологизмы – это слова, словосочетания или фразы, недавно или относительно недавно появившиеся в языке. Свежесть и необычность такого слова, словосочетания или оборота речи ясно ощущается носителями языка. В развитых языках каждый год появляются десятки тысяч неологизмов. Большинство из них имеют недолгую жизнь, но некоторые закрепляются в языке, входят не только в его обиход, но и становятся неотъемлемой частью словесности» [Путина, 2021, с. 68–69]. Если же у человека не получается обнаружить необходимые для самовыражения языковые средства в собственном языке или таковые считаются уже устаревшими, он может прибегнуть к применению иностранных слов. Причиной возникновения таких неологизмов можно назвать эстетическую потребность говорящего к обновлению речи в результате так называемого знакового износа узуальной лексической единицы [Вепрева, Куприна, 2021, с. 113].

Существует небольшое количество работ, в которых обсуждается вопрос дискурса новой чувствительности как феномена вербализации собственных чувств и эмоциональной установки собственных переживаний и ощущений, следовательно, охвачен лишь малый спектр лексем из разных сфер жизни [Кошкарова, 2021 ; Олизько, 2021].

В наше время с распространением различных тенденций самовыражения, а особенно выражения своих эмоций по отношению к тому или иному общественному феномену, принято создавать некие эмоциональные установки и использовать конкретные, уже существующие выражения, а также собственно неологизмы, включая иностранные заимствования, для подбора наиболее точных экспрессивных единиц. Н. Н. Кошкарлова называет данный феномен «эмоциональной культурой»: «Если раньше о феномене эмоциональной культуры говорили исключительно с позиций профессиональной деятельности специалиста и в большей степени в отношении педагогов и учителей, то в настоящее время анализируемое явление трактуется как часть социальной практики» [Кошкарлова, 2021, с. 54]. То есть с более широким принятием эмоционального выражения дискурс новой чувствительности плотно вошёл в повседневную жизнь людей.

Однако в наши дни дискурс новой чувствительности имеет тенденцию к разделению людей. Рассоединение межличностных связей становится весьма распространённым – людям теперь предпочтительнее заставить другого человека чувствовать себя некомфортно за сказанное. Для подобной эмоциональной установки существует устоявшийся термин – «язык вражды»: «В некоторых случаях эмоции (чувства) и языковые средства их репрезентации имеют своей целью дискредитировать носителя другой системы ценностей и убеждений. В таком случае лингвисты оперируют термином язык вражды, обозначающим выражения, содержащие отрицательную оценку всех представителей некоторой социальной группы, объединённой по признаку пола, расы, языка, этнического происхождения, религиозной принадлежности и тому подобного» [Кошкарлова, 2021]. На сегодняшний день данный феномен «представляет собой серьёзную проблему» [Василенко, 2019, с. 138] (см. также [Путина 2020, 2023 ; Путина, Сюткина, 2022]). Наряду с языком вражды можно упомянуть термин «речевая агрессия», целью которой является прямое эмоциональное воздействие на другого человека путём различного рода манипуляций. Подобный метод используется для, например, убеждения другого человека в собственной неправоте и вынуждения принять точку зрения человека, пытающегося оказать на него влияние. Некоторые учёные считают, что, как правило, речевое поведение такого рода является осознанным и намеренным: «...мы рассматриваем речевую агрессию как целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) речевое поведение» [Станиславска, 2008]. Тема осознанного использования манипуляций в контексте «дискурса ненависти» – ещё один термин, связанный с языком вражды – поднимается также в [Колосов, 2004, с. 248].

В эпоху информационных технологий человек эволюционировал от «Homo sapiens» до «Homo informaticus», породив один из самых распространённых способов социальных практик – Интернет-дискурс, который гармонично взаимодействует с дискурсом новой чувствительности, адаптировавшись под действием новых условий [Мамонова, 2022, с. 79]. Одной из таких практик может являться интернет-комментарий, который «представляет собой спонтанный, устно-письменный речевой формат интернет-коммуникации, являющийся дополнением к какому-либо медиаконтенту» [Мамонова, 2021, с. 542].

Другим видом дискурсивной практики как социальной практики является самовыражение как построение собственного имиджа посредством вербализации своего отношения к тому или иному событию. Как правило, данный феномен распространён в онлайн-пространстве: комментариях к публикациям в социальных сетях, новостных ресурсах, форумах и пр. В. И. Карасик приводит три разновидности самовыражения: произвольную, произвольную и завуалированную. Исследователь считает, что первые две являются довольно безобидными способами самовыражения в моменте социальной коммуникации, поскольку они подразумевают либо импульсивную реакцию человека, либо выделение конкретной собственной характеристики для произведения некоего

впечатления. Последняя же, по его мнению, может рассматриваться как разновидность манипуляции [Карасик, 2022, с. 565–572].

Опыт общения с другими людьми и наблюдение за полемикой в онлайн-пространстве свидетельствуют о том, что множество людей могут использовать свою анонимность для чрезмерно агрессивного выражения своих эмоций. Отныне куда более популярно быть эмоционально открытым человеком. Данный феномен охватывает всё больше людей, особенно молодое поколение. Наряду с тем, что привычка языка вражды, принятие позиции жертвы или открыто агрессивная модель поведения стали более употребительны, возросло и количество коммуникантов, которые противостоят подобному поведению, публично порицая людей, заходящих за рамки допустимого, когда речь идёт об этикете в разговоре с другими людьми. Это противодействие получило название «культура отмены».

Данный термин появился во второй половине 2010-х гг. и получил активное употребление в США и Европе [Былевский, Цацкина, 2022]. В настоящее время, перейдя в Интернет-пространство, «культура отмены» стала новой социальной онлайн-практикой [Geusens et al., 2023]. Несомненно, «культура отмены» стала одним из дифференциальных признаков современной киберкультуры и одного из её видов – Интернет-культуры.

Устоявшегося определения «культуры отмены» пока не существует. В качестве рабочего определения¹ можно предложить следующее: «культура отмены» – это схемы и технологии действий и сами действия (высказывания, поступки), призывающие других людей и целые компании к ответственности за действия дискриминационного характера, могущие использоваться в качестве своеобразного механизма цензуры, а также по причинам личной неприязни и из-за конфликта интересов в бизнесе и политике. «Отмене» подвергаются публичные фигуры и знаменитости (актёры, певцы и певицы, политики и т. п.), совершившие неуважительные поступки по отношению к конкретной группе людей. С развитием дискурса новой чувствительности, данным феноменам стали давать собственные названия с целью их группирования. Чаще всего дискриминация может унижать человека за определённые характеристики, чем-то отличающие его от других, например, неприятие, неуважение, враждебность, агрессивность, которые актуализируются на основе пола, возраста, расы, этнокультуры, внешнего облика человека и группы людей.

«Культура отмены» людей, вовлечённых в подобного рода дискриминации, сама может носить крайне резкий, непримиримый характер, порождая безнаказанную ненависть во имя так называемой справедливости, что свидетельствует, скорее, о бескультуре, чем о культуре (см. подробнее [Фефелов, 2022]). Будучи объектом «культуры отмены», дискриминационные действия не имеют срока давности и полностью перечёркивают все достижения (в том числе выдающиеся) субъекта «отмены» [Дашинимаев, 2021]. В этом смысле вполне справедлив один из переводов оригинального термина *Cancel culture* как «отмена культуры» [Фефелов, 2022].

Многочисленные кейсы в рамках действия «культуры отмены» вызывают к жизни целый ряд неологизмов в разных языках, к которым исследователи проявляют довольно пристальное внимание, в том числе в рамках международного проекта «Слово года» (анализ некоторых таких слов в английском и немецком языках см. в [Шамне, Майер, 2023]). Период пандемии привёл к очередному всплеску «культуры отмены» в Интернет-пространстве. Именно в этот период указанные неологизмы массово проникают и в русский язык. Заимствование слов из английского языка является довольно распространённым явлением в российском медиадискурсе (см., напр., [Мамонова 2020]).

Целью настоящей статьи является описание неологизмов, связанных с «культурой отмены» дискриминационных практик, заимствованных из английского языка в русский в результате очередного витка развития киберкультуры.

¹ Определение основано на информации, представленной в [Былевский, Цацкина, 2022 ; Шамне, Майер, 2023 ; Geusens et al., 2023].

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Основным материалом для исследования послужили публикации в русскоязычных СМИ, заголовки и выдержки из новостных статей, опубликованных онлайн-журналами (45 единиц); публикации интернет-пользователей в социальных сетях; комментарии, оставленные к новостным статьям (30 единиц). Общее количество единиц анализа – 75. Отбор эмотивной лексики проводился методом сплошной выборки из текстов тематически релевантных пабликов в социальных сетях, а также комментариев к ним. К найденной лексике применялись контекстуальный анализ и контент-анализ. Последний был использован для выявления значений лексем, актуализирующих семантическое поле шейминга.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ собранного материала показал, что в «культуре отмены» принято использовать определённые лексемы для обозначения конкретного вида дискриминации. В ходе анализа было выявлено восемь таких лексем: *бодишейминг*, *фэтшейминг*, *скинни-шейминг*, *лукизм*, *эйджизм*, *эйблизм*, *харессмент*, *хаиршейминг*.

Дискриминация по внешности человека напрямую связана с требованием к людям соответствовать конвенциональным стандартам красоты. Одной из причин, по которой знаменитости могут подвергнуться «отмене», является дискриминация, связанная с весом другого человека. В русском языке для определения данного феномена используется англицизм – *бодишейминг*. *Б о д и ш е й м и н г* (англ. *body shaming* от *body* 'тело' + *to shame* – 'стыдить') – это дискриминация людей, основанная на том, как выглядит их тело. Несоответствие «стандартам красоты», введённым в индустрию моды, или отклонение от таких «стандартов» рассматривается как вид дискриминационной дискурсивной практики, при этом люди подвергаются такой дискриминации независимо от их возраста, гендера, национальной принадлежности, расовой принадлежности.

Слово получило распространение в лексиконе СМИ с развитием интернет-пространства: «*Бодишейминг распространён повсеместно. С развитием онлайн-пространства и соцсетей у людей появилась возможность расширять круг общения и без последствий для себя задевать незнакомых пользователей*» [РБК Стиль, 2021]; «*Ты толстая*», «*тощая какая, ты вообще ешь?*», «*у тебя кривые зубы*», «*ну и ножки – как у козы рожки*», «*грудь совсем нет*», «*брови-то можно было и выщипать*»² [dress-to-impress.ru]; «*Артистка отметила, что, когда ей было 14 лет, её учитель советовал ей соглашаться на роли толстушек. По словам Уинслет, такие замечания задевали её: «Такая критика может быть очень негативной. Молодые и ранимые люди могут не справиться с такой проверкой на прочность». Актриса добавила, что её агенту поступали звонки от разных киностудий с вопросами о точном весе Уинслет в начале актёрской карьеры, а также подчеркнула, что рада, что таких ситуаций в кинематографе сейчас стало меньше*» [lenta.ru].

В российских СМИ нередко обсуждают события «культуры отмены», происходящие на Западе, где данный феномен получил более широкое распространение. Одним из таких случаев стала критика телосложения Леди Гаги, высказанная Стефано Габбана. Однако из заголовка статьи становится понятно, что он быстро пожалел о том, что сказал: «*Стефано Габбана извинился перед Леди Гагой за бодишейминг*» [spltnk, 2017]. Заголовки статьи рисует портрет раскаявшегося человека, того, кто сожалеет о своём публичном проступке. Вместо типичного для «культуры отмены» принижения личности, в данной статье Габбана показывают, как человека, сожалеющего о произошедшем, показывая, что он оперативно признал вину за свои слова. Данный пример демонстрирует положительный эффект «культуры отмены» без далеко идущих последствий для уличённого в дискриминационной практике, вовремя признавшего свою вину.

² Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.

Лексема *бодишейминг* является употребительной в российских СМИ для обозначения человека, дискриминирующего других людей за их телосложение, а вошёл данный термин в лексический запас СМИ под влиянием интернет-культуры как одного из видов киберкультуры. Отметим, что *бодишейминг* – это не единственный термин, а лишь один из многих, описывающих причины возможной «отмены» известной личности в связи с нестандартным весом. Кроме этого общего термина, используются и более конкретные, такие как *фэтшейминг*, *скинни-шейминг*.

Фэтшейминг (англ. *fat shaming* от *fat* 'жир, толстый' + *to shame* 'стыдить') или *фэтфобия* (англ. *fatphobia* от *fat* 'жир, толстый' + *phobia* 'боязнь') – дискриминация людей, основанная на субъективном мнении о том, что они обладают избыточным весом, а также подразумевающая оскорбления за излишнюю, нездоровую полноту, которая является результатом неухоженности, лени, несбалансированной диеты, компульсивного переедания и распушенности. Отмечаются действия или высказывания, которые унижают, высмеивают или оскорбляют человека или группу людей за ожирение; социальная стигматизация и дискриминация человека или группы людей с избыточным весом или ожирением; культура осуждения «лишнего веса», где границы «нормального веса» определяются субъективно [wiki]. Для примера приведём несколько контекстов.

В России процветает фэтшейминг: кому мешают полные люди и почему их все травят

17 февраля 2021

Недавно 42-летняя стюардесса выиграла суд против авиакомпании «Аэрофлот»: ей снизили премию за... 52-й размер одежды вместо принятых в компании 42–48. Суд обязал компанию убрать из внутренних правил унизительное требование и выплатить пострадавшей не только премии, но и моральную компенсацию. Это дикость, но в цивилизованном мире, где осуждают расизм и сексизм, дискриминация полных людей считается нормой. Обладателей пышных форм травят все кому не лень – от родственников и друзей до незнакомых людей. Полных менее охотно берут на работу, им реже повышают зарплату, заставляют доплачивать за авиабилеты и медицинскую страховку, отсаживают от них в общественном транспорте и бесконечно осуждают. Так кому мешают полные люди и почему лишний вес считается преступлением почище терроризма? [dzen.ru].

– Бороться со стереотипами невозможно. В реальности люди видят тебя собственными глазами, живут бок о бок, и видят, что ты не ленива, не обжора, миллион разных не. А с интернетом всё как-то стало сложнее. Я не ищу отношений, у меня есть муж, который принял меня такой, какая есть. Но теперь в сети есть работодатели, друзья, родные, клиенты, новые знакомые. Те, кто не видят меня каждый день или видят только в скайпе – все вроде бы ценят как личность, не говорят о еде, знают, насколько я активна и сколько всего делаю ежедневно, сколько могу выполнить за короткий срок, советуются, любят, ценят, поручают важные проекты, но стоит встретиться в реальности, пусть по делам, на минуту – отношение тут же меняется. Ленивая и лживая. Хоть в лепёшку расшибись. И постоянно ощущение, что где-то рядом крутится Крошка Цахес. Кто доел салат, кто разбил окно, кто толкнул кого-то в транспорте – тот почему-то всегда я, даже если я в это время в другом городе находилась. Неуклюжая обжора [krasotulya.ru].

Унизительные комментарии можно услышать не только от незнакомых людей, но даже и от близких, что ещё более ранит и унижает человека: «Моя мама каждый раз при нашем общении комментирует мой вес. Как-то она приехала ко мне после моих родов. У меня обвис живот, были очень сильные растяжки. Когда она увидела меня, то ужаснулась: «А это можно как-то убрать, исправить?!» Я сказала, что мне такие комментарии неприятны. На что она ответила: «Ну я же хочу, чтобы у меня была

красивая дочь!» Брат, когда мы встретились после долгого перерыва, сказал: «Какой вы пончик, ничего себе!» Все это лишь ухудшило наши отношения, теперь я не встречаюсь с ним вживую. В борьбе с весом это, конечно же, не помогло» -- Аля, 24 года [gazeta.ru].

В противоположность фэтшеймингу, *с к и н н и - ш е й м и н г* (англ. *skinny shaming* от *skinny* 'худой, тощий' + *to shame* 'стыдить') или *слим-шейминг* (от англ. *slim* 'стройный, худой' + *to shame* 'стыдить') – это дискриминация людей, которая выстраивается на мнении о том, что тело человека выглядит слишком худым, тощим, что также свидетельствует об отсутствии здоровья: – *Меня начальница жутко гнобила по поводу худобы, это сильно испортило мне жизнь и заставило не любить своё тело. – Почти всю жизнь мне было тяжело есть на улице что-то кроме фруктов, овощей и мороженого. Да я и сама часто осуждала полных женщин с булочками в руках: “лучше бы банан или яблочко съели” – думала я. Поэтому когда в моей руке оказывалась слойка или булочка или бургер, мне казалось что все вокруг смотрят на меня и осуждают. Понадобилось много времени и много любви к себе, чтобы перестать бояться и позволить себе и другим питаться так, как они этого хотят. Теперь я частенько покупаю вафельный торт со сгущёнкой, иду с ним в метро и смачно ем в вагоне – пошли все к черту. – Как я вас понимаю! – Каждый раз отвечайте им “мне итак цены нет – я несчастная!”, со временем отстанут. – И пытаются пальцами своими мою руку обхватить, “какие тоненькие запястья, ты посмотри!” [krasotulya.ru]; 25 февраля 2021. А то я устроилась на новую работу, а моя начальница (64 года) за последний месяц раз 5 наверно сказала мне при коллегах какая я “худая” и что мне надо “жрать” больше (да так один раз и сказала). Как на это отвечать? [woman.ru]*

Следующей лексемой, имеющей отношение к дискриминации, является *л у к и з м*. *Лукизм* (англ. *lookism* от *look* 'внешность'), или дискриминация по внешности, – предвзятое отношение к людям, основанное на оценке их внешности как привлекательной, так и непривлекательной. Привлекательных людей лучше воспринимают в обществе; они испытывают меньше затруднений при трудоустройстве и карьерном продвижении, им легче найти сексуального партнёра (в одних случаях для долгосрочных отношений, в других – для краткосрочных). А. А. Безьян определяет лукизм, как «преследование человека на основе его внешнего облика» [Безьян, 2012]. Можно заметить, что с изменением социальных настроений по истечении времени, люди стали использовать данные слова всё чаще: «*Бодишейминг, сексизм, лукизм и нотки расизма: 9 вещей из “Секса в большом городе”, за которые сериал осудили бы в 2020-м*» [spltnk, 2020]. В заголовке к данной статье, *лукизм* употребляется в негативном контексте при упоминании сериала, вышедшего в конце 1990-х. Предполагается, что они намекают на повышенную чувствительность людей, открыто говоря, что в наши дни подобное поведение является недопустимым.

Публичное порицание подтверждается, когда упоминаются конкретные случаи дискриминации: «*Разразился скандал, Земфиру тогда многие осудили за лукизм*» [spltnk.ru 2022]. Лексема *лукизм* используется в контексте с «*разразился скандал*». Это свидетельствует о том, что люди могут резко отреагировать на данный феномен и, таким образом, фиксируется общественная позиция против лукизма, а СМИ лишь напоминают людям о недопустимости такого поведения. *Лукизм* имеет отрицательную коннотацию, будучи словом, обозначающим конкретный вид дискриминации. СМИ и пользователи социальных сетей единогласно используют лексему, как возможность сгруппировать людей, которые ведут себя оскорбительно по отношению к другим, основываясь лишь на их внешнем виде.

Другим видом дискриминации, лексически обозначившимся в русском языке, является неуважительное отношение к людям по причине их возраста. С популяризацией социальных сетей растёт количество людей, которые практически захватили онлайн-

пространство и стали управлять трендами в современном мире. При этом современная молодёжь активно пытается вытеснить людей старше по возрасту, оправдывая свою позицию тем, что они не способны соответствовать современным трендам. При обсуждении данного феномена в СМИ и социальных сетях, в русском языке используют слово *эйджизм* (англ. *ageism* от *age* 'возраст'). В последнее время в российских СМИ стали появляться статьи с упоминанием данного слова в связи с его популяризацией среди пользователей интернета: «*Сексизм, лукизм и эйджизм: главные предрассудки москвичей*» [The City, 2022]. Эйджизм, среди остальных видов дискриминации, очевидно, не одобряют, называя подобный феномен «предрассудком». Предполагается, что СМИ имеют цель распространить идею о том, что эйджизм – это плохо, и мы не должны недооценивать способности людей только из-за их возраста. Жертвы эйджизма также невольно высказываются о своём опыте, испытав данное действие по отношению к себе: «*Эйджизм, сексизм, нетерпимость к любым меньшинствам – это я наблюдаю. Но к себе не позволяю подобного отношения. Сейчас у меня уже есть авторитет, и в моём присутствии боятся говорить о возрасте или гендере, потому что я тоже могу "укусить" в ответ*» [tochka.net, 2022]. Из самой формулировки становится понятно, что человек, испытавший эйджизм по отношению к себе, выступает против данного феномена, упоминая «эйджизм» в контексте чего-то, что он более не позволяет делать с собой.

Слово *эйджизм* упоминается в СМИ (будь то авторы статей, говорящих о нём, или интервью тех, кто испытал это на себе) в отрицательном контексте, пытаясь внедрить в мышление людей недопустимость такого поведения по отношению к людям старше них. Эйджизм как дискриминационная практика проявляется и в академической среде. В вузах на совещаниях, заседаниях постоянно говорят о рекомендуемой доле сотрудников до 39 лет в профессорско-преподавательском составе. Один из примеров попытки «отмены» данной практики – критическая заметка «*Старикам тут не место? КФУ предписал профессуре омолодиться*» [<https://www.business-gazeta.ru/article/586886>], завершаемая результатами голосования неравнодушных людей, согласно которым лишь 8% опрошенных полностью поддерживают эту практику эйджизма.

Также в современном мире нередко проявляется унижение людей с ограниченными возможностями. В русском языке для описания данного феномена используют лексему *эйблизм* (англ. *ableism* от *able* 'способный, правоспособный, дееспособный') – тип дискриминации, при котором трудоспособные люди рассматриваются как нормальные и превосходящие людей с инвалидностью, что приводит к предрассудкам в отношении последних. Общество в целом не готово воспринимать проблемы инвалидов, до сих пор сохраняются стереотипное поведение и дискриминация, существуют недоступные для инвалидов пространства (кафе, кинотеатры, театры, учебные заведения (несмотря на предписания рособнадзора) и др.)

20.07.2023, 18:51

В этом форуме в группе пишут что я дебил и чтобы я убился, жалуюсь за оскорбления, а группа где меня оскорбляют и женщины на которую жалуюсь до сих пор не заблокированы. А я ведь инвалид, и в Германии нельзя по немецким законам оскорблять инвалидов. Я оскорбил инвалида в психиатрической больнице, меня на месяц положили в закрытую психушку [foren germany].

19.07.2023

Учился дальше в немецком колледже. Я потому ушёл работать к маме, я взял академический отпуск, т. к. моя подруга из-за гепатита В и С отказала мне что она выйдет за меня замуж то я впал из-за этого в депрессию, она нашла себе другого мужа у которого нет гепатита.

Как и любого другого вида дискриминации, в СМИ эйблизма стараются избегать: «*Как этично писать и говорить об инвалидности – 7 советов от экспер-*

та» [Factcheck.kz, 2022]. В самом заголовке уже заложена идея отрицательного отношения к людям, которые не соблюдают этичности обсуждения людей с ограниченными возможностями. Они предлагают варианты избегания эйблизма, чтобы человек не оказался в неловком положении. Мы можем видеть примеры обвинения в эйблизме в российских СМИ: «Вспомнив о песне Гурицкой, журналистка сама не поняла, как вновь оскорбила её. Теледиве напомнили, что на Западе, которым она так восхищается, дискриминацию людей с ограниченными возможностями называют эйблизмом» [Экспресс газета, 2022]. Выдержка из статьи наполнена упреками и общим неодобрением высказываний журналистки о личности с ограниченными возможностями. Можно утверждать, что в современном мире феномен эйблизма порицается. Лексема *эйблизм* употребляется СМИ в отрицательном контексте, а люди, которых ассоциируют с этим словом, выставляют социальными изгоями, что свойственно современному феномену «культуры отмены».

Идиотские вопросы, тыканье пальцами на улице

кота: В силу определённых обстоятельств, очень часто приходится слышать вопросы типа «Ммм... а чё врачи говорят?» или, например, «А какая беда с вами случилась?» Я 7 лет катаюсь на коляске, но до сих пор не пойму – что ж за беда меня посетила, при чём здесь врачи и что на это ответить.

Идиотские вопросы

Ответ для кота: Бедная девочка... За семь лет ты так и не поняла, что же с тобой произошло. Юля, ты стала ИНВАЛИДОМ!! Галька на морском берегу под твоими босыми ногами, танцы всю ночь до упаду, усталось в икроножных мышцах от ходьбы в прохладе утреннего лета, бег в припрыжку и даже заноза в пятке – это уже не для тебя! Все, на что ты теперь способна – это ковыряться в фотошопе и задавать идиотские вопросы на форуме дизабилити.точка.ру (Понимаешь?)))) [disability.ru]

Помимо факторов, актуализирующих травлю над человеком за его физические характеристики и возможности, «отмене» подвергаются личности, которые ведут себя непристойно по отношению к другим людям, чаще всего женщинам. В русском языке при описании данного феномена употребительной является лексема *харассмент* (англ. *harassment*), появившаяся в русском языке под влиянием Интернет-культуры. Когда выясняется, что человек проявил акт сексуального домогательства по отношению к другому человеку, данное событие имеет немалые шансы быть опубликованным в СМИ. Приведём один из таких примеров: «Ещё один представитель либеральных СМИ, продвигающий недопустимость харассмента, был обвинён в домогательствах к подчинённым. Журналист и телеведущий «Дождя»³ Павел Лобков совращал стажёров, делал коллегам сомнительные комплименты, оценивая их физическую привлекательность» [Федеральное агентство новостей, 2021]. Здесь «культура отмены» приходит в действие уже описанным ранее способом – полное разоблачение с указанием всех деталей проступка, совершённого «отменяемой» личностью. Предполагается, что такой приём вызовет сильное эмоциональное воздействие и вынудит людей отвергнуть данную личность, сделав её изгоем в глазах общества. Вовсе неудивительно, что такое поведение повлекло за собой ужасные последствия для карьеры Павла Лобкова: «Позже Лобков признался, что не заметил прихода «новой этики с её новыми определениями телесных границ и неприкосновенности». Тем не менее это не спасло его от «кенселлинга» и постепенного отстранения от работы» [Федеральное агентство новостей, 2021]. Данный пример иллюстрирует дискурс публичного извинения, оказавшегося принудительным в результате общественного порицания. Рост количества таких извинений привёл к появлению и активному распростране-

³ Общество с ограниченной ответственностью "Телеканал Дождь" – Средство массовой информации, признанное в России «иностранным агентом». Латвийские и нидерландские филиалы телеканала «Дождь» (в реестре «иноагентов») признаны нежелательными в России организациями.

нию жанра публичного извинения, что можно рассматривать как одно из проявлений дискурса новой чувствительности [Кошкарова, 2020].

С повышением общей чувствительности, термин *харассмент* стал значительно чаще использоваться в СМИ с развитием интернет-культуры. Очевидно, что публичные личности, ассоциируемые с харассментом, упоминаются в отрицательном контексте, поскольку люди не хотят допускать нормализации подобного поведения.

Наконец, к новым лексическим единицам можно отнести *хаиршейминг*, *хэйршейминг* (англ. *hair shaming* от *hair* 'волосы' + *to shame* – 'стыдить') – дискриминация по цвету волос. Коллега из Таджикистана, учительница, рассказала о просьбе директора школы, в которой она работает, перекрасить волосы в светлый цвет, чтобы не так сильно отличаться от других учителей. Дискриминационный контекст по отношению к цвету волос встречается довольно часто в рекламе, что может повлечь за собой определённые последствия:

Брюнетка обвинила Schwarzkopf в дискриминации по цвету волос

Москвичку оскорбила реклама краски оттенка блонд: девушка сочла слоган «Мужчины предпочитают блондинок» дискриминационным. Судебной перспективы у этого дела нет, отмечают юристы. Однако сам прецедент может заставить телеканалы быть более требовательными к содержанию рекламных роликов [kommersant.ru].

Бодишейминг, фэйшейминг, скинни-шейминг, лукизм, эйджизм, эйблизм, харассмент, хаиршейминг и многие другие номинации являются культурологически маркированными единицами, они могут рассматриваться как термины. Для сглаживания или устранения (по крайней мере формального) подобных дискриминационных практик актуально использование эвфемизмов [Фомичева, Шустова, 2023]. Например, во французском политическом дискурсе вместо слова-табу *pauvre* 'бедный' используется политкорректный эвфемизм *défavorisé* 'находящийся в неблагоприятном положении, неблагополучный, обездоленный', частично совпадающий по значению со словом *бедный*: *déshérité, pauvre* [Larousse]. Приведём примеры двух контекстов:

– *La Française, londonienne d'adoption, agrémente les villes et les zones urbaines de son univers pop et coloré. La crise sanitaire l'a poussée à donner une teinte plus politique à son travail, notamment en faveur des enfants défavorisés* [Le Monde]. – 'Француженка, родившаяся в Лондоне, украшает города и городские районы своими работами. Проблемы со здоровьем подтолкнули её к тому, чтобы придать своей работе более политический тон, акцентируя особое внимание на **обездоленных** детях' (Перевод наш).

В цитируемой статье речь идёт о художнице, которая придаёт своим работам политический тон, тем самым помогая детям из малоимущих семей.

– *En Tunisie, la colère des jeunes défavorisés éclate à la nuit tombée. Des heurts nocturnes avec la police ont lieu dans plusieurs régions depuis la nuit du 14 janvier, qui marque le dixième anniversaire de la révolution tunisienne* [Le Monde] – 'В Тунисе гнев **обездоленных** молодых людей вырывается наружу с наступлением ночи. Столкновения с полицией происходят в ряде регионов с ночи 14 января, когда отмечается десятая годовщина тунисской революции' (Перевод наш).

В статье говорится о протестах молодёжи Туниса. Молодые люди чувствуют себя обездоленными, они также обеспокоены сложившейся ситуацией в стране.

В представленных примерах перевод эвфемизма достаточно прост, но следует иметь в виду, что при переводе таких эвфемизмов могут возникнуть трудности в связи с отсутствием корректных лаконичных вариантов перевода (см., напр., [Третьякова, 2021, с. 28–29]). Например, *blind – other visioned* 'слепой – инакозрячий', *stupid – learning disabled; those with special needs; developmentally disadvantaged; minimally exceptional* 'глупые – неспособные к обучению лица; лица с особыми потребностями; обездоленные в плане развития'. Эта проблема требует отдельного обсуждения, однако уже сейчас та-

кие эвфемизмы фигурируют, в частности, в федеральных государственных образовательных стандартах России, несмотря на свою громоздкость – лица с ограниченными возможностями, – что можно рассматривать как конструктивное действие и случай достойной победы «культуры отмены» на территории нашего государства при поддержке соответствующих министерств.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что «культура отмены», является активной ответной реакцией на разнообразные дискриминационные практики, имеющие давнюю историю. Из защитной реакции она зачастую переходит в агрессивную и в ряде случаев носит характер нападок, обусловленных личной неприязнью и/или конфликтом политических и/или экономических интересов. В основном она направлена на знаменитостей, в том числе видных политических деятелей, а также на крупные известные компании, репутацию которых способна уничтожить, а достижения – даже самые важные и, несомненно, положительные – «отменить». «Культура отмены» активно развивается в Интернет-пространстве и является одним из дифференциальных признаков современной киберкультуры. Для России это новый феномен периода пандемии, который, несмотря на единичные показательные случаи, пока не приводит к массовым разрушительным последствиям для карьеры публичной фигуры, уличённой в дискриминационных практиках. Очевидно, что «культура отмены» носит глобальный характер, как и вербализующие её неологизмы.

В рамках данной статьи был описан семантический потенциал восьми новейших неологизмов, заимствованных в русский язык из английского языка и представляющих разные аспекты дискурса новой чувствительности, вербализующих соответствующие социальные феномены: *бодишейминг*, *фэтшейминг*, *скинни-шейминг*, *лукизм*, *эйджизм*, *эйблизм*, *харассмент*, *хаиршейминг*. В исследованном материале они употреблялись в негативном контексте с акцентом на порицание людей, уличённых в указанных дискриминационных практиках. Эти лексические единицы претендуют на статус устойчивых глобализмов, возникших в эпоху киберкультуры в условиях неограниченного потока онлайн-новостей, поступающих со всего мира, и комментариев к ним. Таких неологизмов с каждым днём становится всё больше, они всё чаще употребляются журналистами в СМИ и пользователями социальных сетей.

Время покажет, закрепятся эти лексемы в словарном фонде русского языка или нет. Неоспоримым остаётся факт их существования, так как они выполняют прагматические функции, связанные с реализацией интенций коммуникантов в аспекте воздействия друг на друга и на аудиторию. Перспективу исследования составит выявление лексических единиц других семантических полей, актуализирующих категорию лингвоконфликтогенности, описание их семантического потенциала, составление словарей агрессивных слов, включая эвфемизмы.

Источники материала

- РБК, 2021 – РБК Стиль Бодишейминг: что это и как ему противостоять 2021. URL: <https://style.rbc.ru/amp/news/604af93a9a7947f3e3714b1c> (дата обращения: 21.11.2022).
- Старикам тут не место – Старикам тут не место. КФУ предписал профессуре омолодиться. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/586886> (дата обращения : 17.03.2023).
- Федеральное агентство – Федеральное агенство новостей Культура отмены: топ-5 скандальных примеров в России 2021. URL: https://riafan.ru/23324417-kul_tura_otmeni_top_5_skandal_nih_primerov_v_rossii (дата обращения : 14.11.2022).
- Экспресс газета, 2022 – Экспресс газета. Руслана Алексеева «Подтвердила собственную нравственную ущербность»: Собчак подверглась нападению после унижительных слов о Гурцкой

2022. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/2308232-podtverdila-sobstvennyuyu-nravstvennyuyu-ushcherbnost-sobchak-podverglas-napadeniyu-posle-unizitelnyh-slov-o-gurckoy/amp> (дата обращения: 21.11.2022).
- Factcheck.kz, 2022 – Factcheck.kz. Зият Абдыкаимов Как этично писать и говорить об инвалидности – 7 советов от эксперта 2022. URL: <https://factcheck.kz/socium/kak-etichno-pisat-i-govorit-ob-invalidnosti-7-sovetov-ot-eksperta/> (дата обращения: 21.11.2022).
- Gazeta.ru -- Gazeta.ru – [<https://www.gazeta.ru/family/2022/10/26/15655519.shtml>] (дата обращения: 13.02.2023).
- Disability – <https://www.disability.ru/forum/index.php?id=3168> (дата обращения: 13.02.2023).
- Dress-to-impress – <https://dress-to-impress.ru/blog/bodyshaming/> (дата обращения: 15.02.2023).
- Dzen.ru – <https://dzen.ru/a/YC1D3zrW7nh8wwss> (дата обращения: 15.02.2023).
- Krasotulya.ru – <http://www.krasotulya.ru/telo/lofiversion/index.php/t13319.html> (дата обращения: 15.03.2023).
- Woman.ru – <https://www.woman.ru/beauty/body/thread/5393076/> (дата обращения: 15.02.2023).
- Kommersant.ru – <https://www.kommersant.ru/doc/2193826> (дата обращения: 13.02.2023).
- Spltnk – spltnk. Елизавета Константинова Монеточка рассказала о патриотизме, эмиграции и чувстве вины из-за спецоперации 2022. URL: <https://spletnik.ru/107977-monetochka-rasskazala-o-zhizni-v-emigracii-zarabotkakh-i-patriotizme.html> (дата обращения: 14.11.2022).
- The City – The City. Ольга Порцева, Кирилл Сорвин, Дарья Харламова, Лена Фейгин Сексизм, лужизм и эйджизм: главные предрассудки москвичей 2022. URL: <https://thecity.m24.ru/articles/6687> (дата обращения: 14.11.2022).
- Tochka.net – tochka.net. Юлия Кацаева Ирма Витовская рассказала о сексизме и эйджизме в актерстве: "Принеси, подай, молчи" 2022. URL: <https://glamurchik.tochka.net/277768-irma-vitovskaya-rasskazala-o-seksizme-i-eydzhizme-v-akterstve-prinesi-poday-molchi/> (дата обращения: 14.11.2022).
- wiki – <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 14.03.2023).

Библиографический список

- Безьян, 2012 – Безьян А. А. Лукизм и этническая дискриминация // Северо-кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10, № 3. С. 21–23.
- Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Василенко, 2019 – Василенко Е. Н. "Язык вражды" как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 136–145. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)4-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)4-11)
- Вепрева, Куприна, 2021 – Вепрева И. Т., Куприна Т. В. Локдаун, карантин, самоизоляция: новое английское заимствование в синонимичном ряду коронавирусной лексики русского языка: материалы и исследования // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистич. исследований РАН, 2021. С. 113–125.
- Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия. 2021. Вып. 1. С. 19–24. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-1-19-24>
- Карасик, 2022 – Карасик В. И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 564–574.
- Колосов, 2004 – Колосов С. А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти // Критика и семиотика 2004. № 7. С. 248–256.
- Кошкарлова, 2020 – Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи 2020. № 3 (27). С. 214–221. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>
- Кошкарлова, 2021 – Кошкарлова Н. Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 2 (46). С. 53–68. <https://doi.org/10.31249/chel/2021.02.04>
- Мамонова, 2020 – Мамонова Н. В. Англификация российского медиадискурса // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 654–657.

- Мамонова, 2021 – Мамонова Н. В. Интернет-комментарий в глокальном медиадискурсе // Журналистика – 2021: Стан, Проблемы і Перспективы : матеріялы 23й Міжнар. навук.практ. канф. / глав. ред. В. М. Самусевіч. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2021. С. 541–544.
- Мамонова, 2022 – Мамонова Н. В. Дискурсивные практики сетевых медиа сообществ // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. статей / отв. ред. Н. А. Воскресенская. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 79–82.
- Олизько, 2021 – Олизько Н. С. Динамика развития языка СМИ в период пандемии COVID-19 // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик : тезисы докладов II Междунар. конф., 25–26 февраля 2021 г. / [редкол.: М. В. Томская, М. Б. Раренко, Н. Н. Трошина]. М. : Московский гос. лингвистич. ун-т, 2021. С. 102–103.
- Путина, 2020 – Путина О. Н. Вербальная агрессия: функциональный аспект (на материале дискурсивных маркеров) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 67–72.
- Путина, 2021 – Путина О. Н. Функционирование неологизмов в процессе глобализации и миграции (на примере русского и английского языков) // Миграционная лингвистика. 2021. № 3. С. 67–74.
- Путина, Сюткина, 2022 – Путина О. Н., Сюткина Н. П. Дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 120–129. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_120
- Путина, 2023 – Путина О. Н. Конфликтотенный научный дискурс // Стратегии и тактики эффективной коммуникации в вузе : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 8 февраля 2023 г. Пермь : ИПЦ Прокрость, 2023. С. 89–92.
- Северская, Селезнева, 2021 – Северская О. И., Селезнева Л. В. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе: материалы и исследования // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 1. С. 96–109. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-7>
- Станиславска, 2008 – Станиславска А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Białostockie Archiwum Językowe 2008. № 8. С. 123–142.
- Третьякова, 2021 – Третьякова Т. П. Некоторые современные тенденции лингвистического анализа категории вежливости // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт / под ред. Е. А. Нильсен, И. В. Кононовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 24–32.
- Фефелов, 2022 – Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144>
- Фомичева, Шустова, 2023 – Фомичева Я.А., Шустова С.В. Актуальные проблемы лингвистики. Политкорректные эвфемизмы во французском политическом дискурсе : учеб. пособие.. Пермь : Пермский институт экономики и финансов, 2023. 148 с.
- Geusens et al., 2023 – Geusens F., Ouvrein G., Remen S. #Cancelled: A qualitative content analysis of cancel culture in the YouTube beauty community // The Social Science Journal. February 15, 2023. <https://doi.org/10.1080/03623319.2023.2175150>
- Foren germany – Foren germany. URL : https://foren.germany.ru/wwwthreads_unreg.pl
- Larousse – Larousse. Dictionnaire français en ligne. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>

References

- Bzezyan, A. A. (2012). Lukizm i etnicheskaya diskriminatsiya [Lookism and ethnic discrimination]. *Severo-kavkazskiy psikhologicheskij vestnik* [North-Caucasus Psychological Journal], 10 (3), 21–23. (In Russ.).
- Bylevsky, P. G., Tsatskina, E. P. (2022). Fenomenologicheskij analiz yavleniya «kul'tura otmeny» [Phenomenological analysis the notion «cancellation culture»]. *Vestnik Moskovskogo gos.*

- lingvistich. un-ta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2 (857), 162–169. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Vasilenko, E. N. (2019). "Yazyk vrazhdy" kak predmet nauchnogo analiza i kak sotsial'nyy fenomen (teoreticheskoe obosnovanie perspektiv issledovaniya) [Hate speech as an object of research and as a social phenomenon (Theoretical grounding of research prospects)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 4, 136–145. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)4-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)4-11)
- Vepreva, I. T., Kuprina, T. V. (2021). Lokdaun, karantin, samoizolyatsiya: novoe angliyskoe zaimstvovanie v sinonimichnom ryadu koronavirusnoy leksiki russkogo yazyka: materialy i issledovaniya [Lockdown, caranteen, self-isolation : New English loan-words among the synonyms of coronavirus lexis : Research materials]. In M. N. Priemysheva (Ed.), *Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi* [The Russian language of coronavirus period] (pp. 113–125). St Petersburg : Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Dashinimaev, G. Yu. (2021). Cancel culture kak novaya sotsial'naya real'nost' [Cancel culture as a new social reality: A historiosophical analysis]. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 1, 19–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-1-19-24>
- Karasik, V. I. (2022). Samovyrazhenie v raznykh tipakh diskursa [Self-expression in different types of discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 9 (3), 564–574. (In Russ.).
- Koloso, S. A. (2004). Manipulyativnye strategii diskursa nenavisti [Manipulation strategies of the discourse of hate]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 7, 248–256. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2020). Publichnoe izvinenie: vchera, segodnya, zavtra [Public apology: Yesterday, today, tomorrow]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 3 (27), 214–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>
- Koshkarova, N. N. (2021). Aksiologicheskie kharakteristiki diskursa novoy chuvstvitel'nosti: kak real'nost' otrazhaetsya v yazyke [Axiological characteristics of new sensibility discourse: How language reflects reality]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2 (46), 53–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/chel/2021.02.04>
- Mamonova, N. V. (2020). Anglifikatsiya rossiyskogo mediadiskursa [Anglification of the Russian media discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2 (41), 654–657. (In Russ.).
- Mamonova, N. V. (2021). Internet-kommentariy v global'nom mediadiskurse [Internet commentary in the global mediadiscourse]. In V. M. Samusevich (Ed.), *Proc. 23d International conf. "Zhurnalistyka – 2021: Stan, Prablemy i Perspektivy"* [Journalism – 2021 : Challenging issues and outlook] (pp. 541–544). Minsk : Belarusian State University.
- Mamonova, N. V. (2022). Diskursivnye praktiki setevykh media soobshchestv [Discursive practices of network media messages]. In N. A. Voskresenskaya (Ed.), *Yazyki i kul'tury: funktsional'no-kommunikativnyy i lingvopragmaticheskiy aspekty* [Languages and cultures : Functional, communicative and linguopragmatic aspects] : A collection of papers (pp. 79–82). Nizhnyy Novgorod : Lobachevsky University Press.
- Olizko, N. S. (2021). Dinamika razvitiya yazyka SMI v period pandemii COVID-19 [Mass-media language dynamics during the pandemic]. In M. V. Tomskaya, M. B. Rarenko, N. N. Troshina (Eds), *Lingvokul'turnye aspekty globalizatsionnykh protsessov: sotsiokul'turnyy kontekst i dinamika rechevykh praktik* [Linguistic and cultural issues of globalization processes: Social-cultural context and speech practice dynamics]. Proc. II International conf., February 25–26, 2021 (pp. 102–103). Moscow : Moscow State Linguistic University. (In Russ.).
- Putina, O. N. (2020). Verbal'naya agressiya: funktsional'nyy aspekt (na materiale diskursivnykh markerov) [verbal aggression: Functional aspect (On the basis of discursive markers)]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Topical issues of philology and methods of foreign language teaching], 14, 67–72.
- Putina, O. N. (2021). Funktsionirovanie neologizmov v protsesse globalizatsii i migratsii (na primere russkogo i angliyskogo yazykov) [The functioning of neologisms in the process of globalization and migration (On the example of the Russian and English languages)]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration Linguistics], 3, 67–74.

- Putina, O. N., Syutkina, N. P. (2022). Diskursivnye markery kak intensivatory verbal'noy agreszii [Discourse markers as intensifiers of verbal aggression]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 120–129. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_120
- Putina, O. N. (2023). Konfliktogennyy nauchnyy diskurs [Conflictogenic scientific discourse: Linguistic means and causes]. *Proc. All-Russia conf., February 8, 2023 "Strategii i taktiki effektivnoy kommunikatsii v vuze"* [Strategies and tactics of effective communication at university] (pp. 89–92). Perm : Prokrost' Press. (In Russ.).
- Severskaya, O. I., Selezneva, L. V. (2021). Refreyming idiom i paremiy v koronavirusnom diskurse: materialy i issledovaniya [Reframing paroemias of the coronavirus discourse]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic accent], 12 (1), 96–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-7>
- Stanisławcka, A. (2008). Rechevaya agresziya v kommunikativno-diskursivnoy paradigme [Linguistic aggression in communicative and discursive paradigm]. *Bialostockie Archiwum Językowe*, 8, 123–142. (In Russ.).
- Tretyakova, T. P. (2021). Nekotorye sovremennye tendentsii lingvisticheskogo analiza kategorii vzhlivosti [Some current trends in linguistic analysis of the category of politeness]. In E. A. Nilsen, & I. V. Kononova (Eds), *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki* [Current Issues of modern language studies]: A collection of papers in honor of Irina Borisovna Rubert (pp. 24–32). St Petersburg : Saint Petersburg State University of Economic Press.
- Fefelov, A. F. (2022). Diskurs vokrug cancel culture kak ob"ekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv «logiki» [The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”]. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 20 (1), 126–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144>
- Fomicheva, Ya. A., Shustova, S. V. (2023). *Aktual'nye problemy lingvistiki. Politkorrektnye evfemizmy vo frantsuzskom politicheskom diskurse* [Current issues of language studies. Politically correct euphemisms in French political discourse]: A coursebook. Perm : Perm Institute of Economics and Finance Press.
- Geusens, F., Ouvrein, G., Remen, S. (February 15, 2023). #Cancelled: A qualitative content analysis of cancel culture in the YouTube beauty community. *The Social Science Journal*. <https://doi.org/10.1080/03623319.2023.2175150>
- Foren germany. (n. d.). https://foren.germany.ru/wwwthreads_unreg.pl
- Larousse. (n. d.). Dictionnaire français en ligne. <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>